

Глава 7

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Исследование связано с особым видом мышления. Или, возможно, будет правильнее сказать, что исследование строится на определенном способе мышления. Оно требует специфического образа мыслей, определенных мыслительных процессов и постановки множества вопросов.

ОБРАЗ МЫСЛЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Исследователи начинают свою работу с предпосылки, что знание достижимо и нахождение истины возможно. Поиск может быть долгим и трудным, но результаты гарантированы. Без подобного оптимистического образа мыслей вряд ли какое-либо исследование могло бы осуществиться. Образ мыслей исследователя характеризуется объективностью, сосредоточенностью, ясно изложенными предпосылками, логической организацией и интеллектуальной честностью. В библейском окружении оно украшается смирением.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Давно надоевший компонент научного метода исследования – его «полная» объективность: исследователи должны быть способны отделиться от собственных предпочтений и убеждений и бесстрастно обдумать данные. Сегодня мы понимаем, что полная объективность – миф. Невозможно отложить в сторону любимые идеи, даже в исследовании. Более того, мы понимаем, что жизнь на планете Земля не поддается бесстрастной оценке и полной объективности. Так же, как младенец совершенен для своей ма-

тери, так и «плод мышления» исследователя не может быть улучшен.

Хотя мы должны признать, что полная объективность невозможна, цель исследователя – достичь максимально возможной объективности. Это означает, что необходимо быть уверенным, что предпосылки обоснованны, а также следует отложить до времени предпочтения и предубеждения. Необходимо взвесить все данные за и против. Когда мы защищаем собственные идеи, то легко находим свидетельства в их пользу. Объективность требует, чтобы мы также посмотрели на обратную сторону монеты. Однажды я спросила студента, почему он не включил в свою работу некоего автора. Ответ последовал незамедлительно: «А он не соглашается со мной, поэтому я не могу его использовать». Его рейтинг объективности был очень низким, ниже проходного.

Объективность требует от меня, чтобы я рассматривала и отрицательные свидетельства, анализировала чуждые или отличающиеся идеи, рассматривала аргументы, которые могут опровергнуть мою точку зрения. Объективность требует смелости и смирения. Она требует отложить в сторону любимые идеи во время изучения всех данных. Она настаивает на развитии мудрости, учитывающей каждую грань темы.

СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

Вместе с Павлом исследователь должен сказать, «забывая заднее» (Флп. 3.13), и сосредоточиться на проблеме и ее решении. Исследовательское мышление должно устремляться прямо, как стрела, не уклоняясь от цели. По этой причине вы не можете начать исследование до тех пор, пока не определили свою проблему и цель – что необходимо исправить и как вы собираетесь сделать это.

В некоторых культурах (и языках) используется способ мышления, повторяющий идеи и информацию. Возьмем, например, рассказы Еврейской Библии. В Быт. 24 фраза «пей, я и верблюдам твоим дам пить» встречается три раза: когда молился слуга Авраама (14 ст.), когда Ревекка произнесла эти слова (19 ст.) и когда Елиезер рассказал об этом ее семье (44 ст.). Повторение естественно и нормально. Однако в исследовании нет места повторению одной и той же вещи дважды. «Скажи хорошо, скажи один раз» – хороший совет.

Другой способ мышления допускает отступление, уклонение от темы. Вы можете найти восхитительную информацию, но если она не развивает вашу аргументацию, вам следует отставить ее в сторону. Не уклоняйтесь от своей цели! Как призывает Втор. 5.32, «не уклоняйтесь ни направо, ни налево».

ЯСНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Предпосылка – это базовое понимание, лежащее в основании мыслей человека по данной теме. Иногда предпосылки называют «предположениями», они то, что мы воспринимаем как данность. Подобная предпосылка встречается в Евр. 11.6: «Ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть». Приход к Богу без веры в Его существование не имеет смысла.

Предпосылки это данности, те вещи, которые нам не нужно объяснять, по крайней мере, себе. Мое понимание жизни, того, что я читаю или о чем сужу, – в огромной степени зависит от широты моих предпосылок. Если я верю в молодое творение, эта базовая предпосылка придает определенный цвет всему, что я читаю о теистической эволюции! Если я убеждена в испорченном состоянии человеческих существ, подход Карла Рождерса к консультированию с его акцентом на нейтральной или неиспорченной природе человеческих существ заставляет меня нервничать. В обоих случаях одинаково справедлив и обратный вариант.

Иногда авторы не формулируют своих предпосылок. Тем не менее они могут намекать при помощи выбора своих источников, способа организации информации, их одобрения идей или авторов. Если авторы не формулируют предпосылок открыто, читатель затрачивает лишнюю энергию, задаваясь вопросом: «Она считает или нет?», «Он является или нет?»

В области религиоведения или богословского образования предпосылки обычно сильны, часто считается вопросом жизни и смерти, жизненно важным, кто я и что я говорю. Спрятать предпосылки под коврик и вести себя так, как будто их нет, неразумно, да и невозможно. Тем не менее могут возникнуть трудности даже в признании наличия предпосылок.

Важной задачей в исследовательском мышлении является постановка вопроса: «Какие из моих предпосылок влияют на то, как я мыслю и пишу?» Простые предпосылки имеют отношение к допущению, что читатели знакомы с темой. Например, я допускаю, что мой читатель сможет понимать греческие слова, которые

я вставляю в свою курсовую работу. Немного на более глубоком уровне я принимаю Павла как историческую личность, Апостола и автора нескольких канонических книг Нового Завета, я допускаю, что мои читатели считают так же. Еще более влиятельным результатом для моего исследования будет принятие Послания к Римлянам как боговдохновенной и авторитетной книги. Эти убеждения зададут тон моему анализу Павлового мотива смерть-и-воскресение в Рим. 6. Позволить читателям понять мои базовые предпосылки не только просто учтиво, но и гарантирует, что они поймут то, что я говорю.

Чтобы понять человека, нам необходимо понимать, «из чего она исходит», используя популярную фразу. Чтобы знать, что на самом деле означает мое произведение, читатель должен знать, из чего я исхожу и каковы предпосылки, лежащие в основании моего исследования. Перед тем как сделать это, я сначала должна раскрыть свои предпосылки, перечислить их и решить, какие из них мне необходимо описать своим читателям. Заявление о моих предпосылках должно быть написано так, чтобы это объясняло работу без того, чтобы читатель подумал, будто я считаю его еретиком или глупцом, если он не разделяет моих предпосылок.

В качестве обобщения – предпосылки ни хороши, ни плохи, они просто есть. И читатели имеют право знать, какие из них направляют авторское исследование и написание. Я как читатель разочаровываюсь, если мне приходится продираться через массу страниц, задаваясь вопросом, где же позиция автора по теме, о которой он, или она, пишет.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Когда мать замечала беспорядок в моей комнате, она напоминала мне утверждение Поупа: «Порядок – первый закон Неба»¹³. Является ли порядок первым или вторым законом, не имеет значения; но, вне всякого сомнения, в исследовательском мышлении порядок и организация подбираются к верхушке списка.

Организованное мышление объединяет похожие идеи и концепции вместе: все на своем месте. Например, письменная работа, которая описывает целевую недостижимую евангелием этническую группу, должна представить различные характеристики этой группы: социально-культурные, религиозные, политико-

¹³ Alexander Pope, *Essay on Man*, ep. 4, 1.49.

экономические. Не стоит ожидать, что вы найдете их историю или поставленные миссионерскими обществами планы по их достижению в данных категориях. Вы также не рассчитываете найти информацию об особенностях их режима питания под заголовком «Религия».

Организованное мышление также размещает идеи, фразы и слова в логическом порядке, позволяя читателю и слушателю непосредственно догадаться о критериях, которые использовались, чтобы организовать их. Другими словами, порядок делает понятным. Например, организация может следовать от малого к большому, от глубокого к поверхностному, от важного к несущественному, от старого к новому – или любому другому порядку логической последовательности. В истории, например, ожидается, что мы будем следовать хронологическому порядку.

Подумайте об организации зоопарка. Слоны и львы не находятся в одном вольере. Певчие и хищные птицы в разных клетках. Кошкам и кроликам будет плохо в одном и том же месте. Существуют весомые основания для «организации» живности!

Да, в моем исследовательском мышлении и письме должен преобладать порядок, а не только в беспорядочной комнате. Сэмюел Смайлз (Samuel Smiles) был прав, призывая: «Свое место для всего, и все на своем месте»¹⁴.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЧЕСТНОСТЬ

Разные люди по-разному определяют честность и нечестность. Интеллектуальную честность и нечестность в разных культурах также определяют по-разному. В одних культурах повторить слова учителей значит только продемонстрировать то, как человек уважает их мудрость. Единственный способ писать – это заимствовать из их произведений. Кавычки и подстрочные ссылки ничего не добавляют к этому уважению.

В других культурах течение и красота слов намного важнее, чем мое признание, что их написал такой-то, к тому же этот автор был бы доволен тем, что я использовал его слова и идеи! Если больной ребенок не давал мне уснуть всю ночь перед сложным экзаменом, мой друг с удовольствием разрешит мне воспользоваться его знаниями. В качестве акта сострадания он даже может

¹⁴ Цитаты из Сэмюэла Смайлза широко доступны в печатных и онлайн-ресурсах. Эта цитата встречается в *Thrift* (1875).

намеренно положить свою работу так, чтобы я могла скопировать то, что он написал. Списывание – не проблема.

Не оценивая честность только что описанных обычаев, мы, западные люди, подчеркиваем: ни одна из них не соответствует нашей исследовательской культуре. Здесь я должна признать, что тот, кто писал предо мной, проложил путь. Ее труд облегчил мою задачу. Поэтому у меня есть перед ней долг признательности. Я должна признать этот долг, вставив ссылку на ее работу. Подобным же образом автор, сказавший то же, что и я, но сделавший это лучшими словами, чем я (побуждая меня использовать их), произвел эти слова. Они его труд, его искусство. Я не имею права брать то, что не принадлежит мне, и использовать так, как будто это мое. Соответственно, я должна выделить эти прекрасные слова кавычками, признавая исключительное право автора на эту фразу.

Совершенно ясно, что подобная концепция честности препятствует мне поставить свое имя на письменной работе, взятой из Интернета, безотносительно, заплатила я за нее или нет. Она полностью запрещает использовать мое имя в качестве автора на письменной работе, которая на самом деле является статьей в малоизвестном журнале. В равной степени будет нечестно, если я цитирую автора так, что это искажает его мысль. Уменьшенным видом подобного нечестного использования будут слова о том, что рецензент нашел книгу «великолепной», избегая цитирования всей фразы, которая звучит так: «Это исследование великолепный пример напрасных трудов». Все подобные использования подпадают под осуждение заповедей: «Не кради» и «Не лжесвидетельствуй».

Интеллектуальная честность иногда может требовать от меня признания, что я чего-то не знаю или что у кого-то есть ответ лучше моего. Признание подобного рода не бесчестит. По сути, оно будет одобрено как честность.

В большинстве учебных заведений существует «отношение к плагиату», говорящее о том, насколько серьезно учебное заведение относится к использованию чужих материалов как своих собственных. Наказание может варьироваться от неаттестации письменной работы до неаттестации по предмету и отчисления из школы.

Хотя последствия интеллектуальной нечестности могут быть пугающими – в конце концов, лжецы и все любящие неправду останутся за жемчужными воротами (Отк. 22.15), – результаты сле-

дования отношению «честность-лучшее-правило» принесет свою награду. Делать правду ради правды всегда правильно. Это всегда наилучшее. Смотрите специальные рекомендации о честном отношении в своих письменных работах в девятой главе о подстрочных ссылках. Сделайте запрос в поисковой системе Google по слову «плагиат», чтобы увидеть, как некоторые колледжи и университеты решают эту проблему.

СМИРЕНИЕ

Смирение – это фундаментальная христианская добродетель. Христос говорил о себе как о «смиренном» (Мф. 11.29) и отмечал, что смиряющие себя возвысятся (23.12). Павел и Петр апеллировали к смирению в отношениях христиан между собой (Флп. 2.3; 1 Пет. 3.8, 5.5). Иаков связывал исследование и смирение, утверждая, что «кротость... рождена мудростью»* (Иак. 3.13).

Когда книга или статья источает высокомерие – отношение вроде «я знаю все», «я лучше всех», – читатели быстро теряют интерес. Мудрый путь – писать смиренно, осторожно, с готовностью учиться. Подобные произведения оставляют пространство для диалога, нахождения решений.

Важнее всего, чтобы выводы были сформулированы при помощи лексикона, демонстрирующего смирение: готовность учиться, принимать другие возможности. В конечном итоге немногие ученые, особенно студенты, готовы отдать жизнь за результаты своих исследований.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Согласно схеме уровней обучения в когнитивной сфере Блума (Bloom), знание и мышление находятся на разных уровнях¹⁵. Знание – самое простейшее. Мышление о знании сложнее, например анализ и синтез, оценка и применение требуют более сложных навыков мышления. Процесс формулировки выводов и умозаключений также важен для исследовательского мышления.

* Так текст звучит в RSV. – Прим. переводчика.

¹⁵ См.: Benjamin S. Bloom, *Taxonomy of Educational Objectives* (Boston: Allyn & Bacon, 1984).

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ

Оба процесса незаменимы для хорошего исследования. Анализ можно представить примером маленького мальчика, разбирающего по частям будильник, чтобы понять, что заставляет его тикать. Синтез – соединение деталей трех часов, чтобы заставить работать один будильник.

Анализ исследует данные шаг за шагом. Анализ требует описания и классификации каждого аспекта темы, каждого осколка данной истории. Анализ требует рассмотреть, чем является каждая составляющая, что она делает и как она связана с другими составляющими. Прежде чем принять решение, как преподавать курс по истории, новый профессор внимательно анализирует описания курсов своих предшественников и двух своих коллег, преподающих такой же курс в других университетах. Он смотрит на все части, все детали и видит, чем является каждая часть и как она связана с остальными.

Синтез, напротив, начинается с одной или большего количества идей или систем. Изучив, как работает каждая из них, вы соединяете части старого, чтобы сформировать нечто новое. Наш новый профессор истории берет части и элементы трех описаний курсов, вносит свои идеи и создает новое описание для своего курса. Хотя он может строиться на предыдущей работе, его описание курса – новое творение, мудрая комбинация нескольких источников, синтез.

Анализ и синтез это умственная деятельность. Они могут появиться в письменной работе, но прежде они должны осуществиться в уме исследователя. В письменной работе анализ обычно размещается в ее основной части, в то время как синтез более очевиден в разработке модели или программы или в выводах в конце работы.

ПРИМЕНЕНИЕ И ОЦЕНКА

Применение и оценка находятся на самом глубоком уровне схемы уровней обучения Блума. Это не простые виды деятельности.

Применение относится к использованию информации. Правила греческой орфографии применяются, чтобы правильно писать по-гречески. Экзегетические принципы применяются, чтобы вывести связное значение из текста. Методики церковного роста

применяются к церкви для того, чтобы присоединить новых членов. Применение информации требует мышления и проницательности. Оно отвечает на подобные вопросы: ну и что? Как это можно использовать? Что я могу сделать с данной информацией? Знание без применения может производить бесполезное знание.

Оценка не использует информацию, чтобы произвести нечто, она использует ее, чтобы решить, имеет ли это ценность. Оценка требует установления критериев, по которым производится измерение. Необходимо не только ответить на вопрос – Насколько это хорошо? – но также на вопрос – Откуда я знаю, что это хорошо?

Исследование должно постоянно оценивать. Хороша ли эта цитата? Уместна ли? Может, есть лучшая? Действительно ли лучше всего использовать эти слова? Требуется ли работа этого автора дальнейшего внимания? Наконец, исследователи должны быть способны оценить собственную работу: проделал ли я работу, которая заслуживает похвалу? Где можно улучшить?

ИНДУКТИВНОЕ И ДЕДУКТИВНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании используется как индуктивное, так и дедуктивное умозаключение; и то и другое необходимо в одной и той же работе. Однако если я использую ошибочные приемы, оба вида умозаключений могут привести к необоснованным результатам.

Индукцию определяют как процесс, при помощи которого люди находят и доказывают общие суждения. Начиная с частных, мы формулируем выводы, законы и принципы. Индуктивное умозаключение является ядром научного метода. Индуктивное умозаключение лежит в основании анкетирования, опросов и рекламы.

Мы знакомы с «индуктивным» изучением Библии. Мы можем внимательно изучить Нагорную проповедь (Мф. 5-7) и затем сформулировать принципы Царства, которым Иисус учил в этой проповеди. Подобным образом я могу пробовать яблоки с сотни различных деревьев, отмечая цвет, фактуру, вкус плода. В результате своего исследования я могу прийти к выводу, что яблоки – это сладкий плод, со светлой мякотью и семечками в центре.

Каким бы полезным для исследования ни было индуктивное умозаключение, оно имеет явные подвохи. Один из наиболее серьезных подвохов – использование ограниченного наблюдения.

Если я пробовал только красные яблоки, то могу придти к выводу, что все яблоки красные. Недавно я видела опрос студентов нескольких студенческих городков об их любимых напитках. Мне было интересно до тех пор, пока я не узнала, что предпочтения основываются на опросе пятидесяти пяти студентов их студенческого городка, в котором проживало более трех тысяч студентов. Более того, информация о том, как были избраны эти студенты, отсутствовала. Были ли они друзьями исследователей? Может, все они были женщинами? Какой их возраст? Действительно ли они представляют все студенчество? Как я могу быть уверена, что определенный напиток-кола действительно был любимым?

Индукции тем аккуратнее, чем более тщательно изучается феномен. Чтобы узнать, что Павел говорит о церковных руководителях, мне необходимо изучить все отрывки в его писаниях и в Деяниях Апостолов, которые едва касаются того, кем должны быть старейшины и что они должны делать. Мне необходимо проанализировать и сравнить их, особенно там, где я вижу расхождения. Только после этого я смогу вывести и синтезировать, что Павел думает о старейшинах.

Еще одна важная проблема, каким способом я формулирую свои выводы. Яблоки сладкие. Всегда? Могла ли я пропустить кислую разновидность? Возможно, тогда мне следует сказать, что, как правило, яблоки сладкие. Я оставляю место для дальнейших выводов, которые терминологически называются *индукциями*, выведенными из изучения частных случаев.

В то время как индуктивные умозаключения идут от частных случаев к принципу, дедуктивное умозаключение начинается с общего, универсального. Словарь «Мерриам-Уэбстера» для колледжей (*Merriam Webster's Collegiate Dictionary*) определяет дедукцию как «извлечение вывода при помощи умозаключения; *конкретно*: умозаключение, в котором вывод в отношении частных случаев следует по необходимости из общих, или универсальных, посылок»; и «вывод, к которому приходят в результате логической дедукции».

В философии и богословии дедуктивное умозаключение более распространено, чем в научном исследовании. В конце концов, мы работаем исходя из великих и вечных принципов. Например, Бог есть любовь. Поскольку Бог есть любовь, мы заключаем: все, что бы ни делал Бог, есть любящим. Поэтому мы обращаем внимание на деятельность Бога, чтобы понять, что для Бога означает быть любовью. Легко увидеть, что подобный способ мышления может приводить к круговому умозаключению.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ

Некоторые считают, что *сомнение* является фундаментальным для исследования. Другие люди называют тот же принцип *критикой*. Оба термина не вполне благозвучны для благочестивых ушей. Тем не менее постановка вопросов приемлема. Исследование задает сложные вопросы, вопросы об источнике информации, а также содержании и значении этого источника. Смотрите главу восьмую «Исследовательское чтение» для дальнейших предложений о постановке вопросов.

Мой свекор читает свою Библию и «Ридерз дайджест» (*Reader's Digest*). Чтобы он ни читал в любом из источников, — истинно. Для многих напечатанное слово достойно доверия. Исследовательское мышление требует подвергать сомнению источник информации. Меня особенно интересует автор и издательство. Вопросы к автору включают следующее: кто написал это? Является ли он экспертом в данной области? Он признанный ученый? Кто финансировал его исследование? Вопросы к изданию, в котором опубликован материал, также представляются важными: опубликовано ли то, что я читаю, в журнале с хорошей репутацией? Издана ли книга заслуживающим доверия издательством? Также важно, есть ли у этого издательства свой «ракурс»?

Во время критического чтения я должна подвергать сомнению содержание. Что именно имеет в виду автор? Выдержано ли это по всему произведению, которое я читаю? Не противоречит ли автор себе на протяжении всего произведения? Как это соотносится с другими его публикациями? Я также спрошу, какие предпосылки лежат в основании аргументации, какие приемы исследования использует автор. Ответы на эти вопросы помогут мне распознать смысл.

Я бы также спросила, что автор желает, чтобы я знала и во что верила после прочтения труда. Пытается ли он проинформировать меня или убедить? Каково его намерение? Очевидно, если я почувствую, что это попытка принуждения над моим мышлением, я воспротивлюсь.

Во время курса английского языка на первом курсе я читала статью о важности открытого разума. Автор утверждал, что разум немного напоминает консервную банку. Если он закрыт, ничто не попадет внутрь или не выйдет наружу. Если он открыт с одной стороны, мысли входят и выходят. Если крышка используется как

фильтр, идеи входят и выходят и могут оцениваться, отфильтровывая плохие, оставляя хорошие. Наконец, консервная банка, открытая с двух сторон, абсолютно бесполезна, потому что идеи входят и выходят без оценки. Исследовательское мышление требует разума, подобного банке с крышкой-фильтром.

На первых порах образ мыслей исследователя может показаться неудобным. Когда вы читаете, думаете и пишете, вы все более привыкаете к подобному образу мышления. Ваш профессор заметит улучшение в письменных работах. Усилия, затраченные, чтобы научиться исследовательскому мышлению, стоят того.

Итак, настроив разум на исследование, вы можете переходить к чтению и заметкам. Эти темы обсуждаются в восьмой главе.